

ГОНТ

Газета о нашей гимназии

15 января 2026 года № 7 (316)

Михайловское, Тригорское, Петровское

Летняя практика гуманитариев 53 параллели

Гумпрактика в Пушкинских Горах... Сердце каждого гуманитария любого года выпуска нашей школы дрогнет и забьется сильнее при этих словах. Крещение Пущгорами проходит каждый ученик историко-филологического класса. После почти годового погружения в жизнь и творчество Пушкина, в монографии Лотмана, в спектакли московских театров, где идут постановки по Пушкину, в историю создания памятников Пушкину в Москве, в стихи других поэтов о Пушкине пресыщенный гуманитарий попадает, наконец, в родовое имение Поэта.

Конечно, недавнему восьмикласснику кажется, что он знает о Пушкине всё или почти всё. Поэтому его (чего уж тут скрывать!) больше интересует жизнь Заповедника, проза Довлатова, необычность жизни в палаточном лагере, волонтерская работа в усадьбах, необычный формат общения с учителями, которые и организуют им сельско-лесную жизнь с костерком, гитарой и вечно кипящимся чаем. Может, поэтому эссе нынешних гуманитариев о Пущгорах получились больше - о природе, о необычности быта, о друзьях. Но с чем трудно поспорить, так это с тем, что дивное место - заповедник «Пушкинские Горы» - по-прежнему вдохновляет на творчество и философские беседы всё новые и новые поколения наших гимназистов. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

*Елена Всеволодовна Терещенко,
учитель русского языка и литературы*

Онегинские строфы

* * *

Печальных нив простор унылый -
Ничем не оживленный лик,
Владений севера остылых -
В бесплотность облаков глядит.
Задумчив он: ни вдохновенье
Или признания мгновенье
Его не трогают давно -
Им возвратиться не дано.
Печет под мельницей широко
Безмолвно-гордая река,
Усталый ветер издалека
Над соснами летит высоко,
Чуть задевая главы их;
Унесся в небо и затих...

Вновь в трех горах бутоны сладко
Стряхают сны с молодых листов,
Но кто взглянет на них украдкой,
Кто к персям их прижать готов?
Пуста скамья: лишь только тени -
В веках замерших слов виденья -
Быть может, в час полуночной
Собираются одни толпой,
Под птичье пенье вальс танцуют,
И платья тонкие шуршат,
Сердца с сердцами говорят,
Уста невинность рук целуют...
Быть может... Ныне все пустынно:
В окне не брезжит свет камина.

*Все: жизнь, душа, бывшая стать
В перстах эпохи увядает –
И не вернуть, и не понять!
За годом год в пучину канет...
Ни путник в строках новых лет
(Хоть был б изрядный он поэт)
Не воскресит бывшее время:
Иначе сложена поэма
Столетий прежних... Можно ль в них
Проникнуть? Не дает ответа
Безлюдный дом: без лиц, без света...
На краткий разве только миг:
Там нет волнений бытия,
Там небом полнится душа...
Таисия Ашихмина*

* * *

I

*То место, где скучал Евгений,
Было прелестный уголок,
Там друг поэзии, творений
Благословить си степи мог.
Палаток холм уединенный,
От солнца тучей огражденный,
Стоял у Сороти. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Поля, люпины безмятежны.
Мелькали сосны; здесь и там
Бродили гумы по лугам,
Чьи муки были неизбежны,
Огромной, шумною толпой,
Страдальцы юности святой.*

II

*Почтенный лагерь был построен,
Как они строиться должны:
Почти что прочен и спокоен,
Как плод родительской любви.
Везде натянуты покои,
Которые от капель боя
И ветра, слышного во снах,
Все сотрясались в стенах.
Все это даже раздражало.
Не знаю, право, почему.
Но, впрочем, другу моему
В том нужд было отнюдь не мало.
Хотя он все равно зевал
Посредь экскурсионных зал.*

III

*Но, чтобы не совсем тоскливо
Я мог закончить свой рассказ,
Не так уж грустно и шутливо
Скажу про свой в полях экстаз.
Где среди нивы колыханья
И крыльев легких трепетанья
Смотрел на ниву я блаженну,
Лучом последним освещенну.
Вид снизу речки необъятной
Снимал мой привкус дремоты,
Оковы светской суеты,
В душе рождая свет приятный.
Тогда поэт ваш честный смог
Сойти до этих юных строк,
Вероника Зелинская*

* * *

*Прошла весна, явилось лето,
Я отдыхаю от забот
Свободен, вновь ищу привет
Волшебных звуков, чувств и нот;
Но вдруг я вижу сообщенье:
Всем на вокзале быть в мгновенье!
Бегу, и волосы назад,
Пора! Пора! Рога трубят!..
Подумал я: о Провиденье!
Придай моим стопам ты сил!
Я в срок успею, буду мил,
Успею к месту назначения..
Успел! теперь пора в вагон
На полке встретить вещей сон.*

*Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
Не спорю с этим я советом —
Лечу я в душ, и поскорей!
Какое ж это, братья, счастье:
Быть чистым в мокрое ненастье!
Смотрю я: позади дожди -
Кручу-верчу я бигуди!
Я три часа по крайней мере
В палатке утром провожу
И из лесу я выхожу
«Подобный ветреной Венере»,
И видят все, кто стоит в ряд:
«Богиня едет в маскарад!»
Максим Калмыков*

* * *

(маршрут 4, Большой Харитоньевский переулок)

*Хотя крестов и колоколен
У Харитонья больше нет,
Святой отнюдь не обездолен:
В стихах его остался след.
Здесь, за причудливой оградой
В тени таинственного сада
Стоит Юсуповский дворец,
Красив, как сказочный ларец.
Не здесь ли пылкий Грандисон,
Московских барышень властитель
И их коварный соблазнитель,
Седых отцов кошмарный сон,
Нетерпеливо ждал Алину
И нервно поедал малину?*

Лоура Николь

Приют спокойствия, трудов и вдохновенья

«Ту-у-у-у...ту-у-у-у-у...ту-у-у-у-у»

"Сопровождающие, покиньте вагон! ..."

«Повторная проверка, пожалуйста, предъявите документы»

Наверняка по всему поезду слышно, как мы едем на практику в Михайловское: кто-то уже хором поет песни, кто-то заправляет кровать, кто-то заваривает пахучий Доширак, который впоследствии будет давать о себе знать всем в вагоне, а кто-то просто смотрит в окно. Даже после 23.00 и выключения света смех и шепот не утих, можно без труда узнать, кто куда идет: вот чьи-то резиновые сапоги закрипели в направлении купе, где проводница наливает кипяток, значит кому-то на ночь глядя захотелось попить чаю, вот чьи-то мокрые кроксы прошлепали в другую сторону - кто-то успел помыться перед отбоем.

Потом все потихоньку стало тише, тише ... И вот совсем стихло, слышен был лишь ритмичный стук колес, да по глазам бил свет одиноких фонарей снаружи. Иногда, бывало, остановимся, а на станции праздное гуляние да веселье, несмотря на поздний час, или наоборот - станция сама маленькая-маленькая, перрон узенький, заросший травой, а в неряшливо раскрашенном серым цветом деревянном домишке сидит дед за кружевной занавеской и смотрит телевизор, свет у него только на террасе горит, а вокруг этого острова жизни и света лишь топи да огромные столетние дубы. Поезд тронулся дальше, а пейзаж за окном однообразный - все те же маленькие болота, сменяющиеся бескрайними полями, которые аккуратно обрамляли витиеватые, черные в свете луны деревья. Где-то в 5.30 мы остановились на станции «Дно», и для меня поговорка «Как корабль назовешь, так он и поплывет» заиграла новыми красками. Уже светало, так что мне удалось хорошо разглядеть вид за окном: серая станция в доме-памятнике какого-то знаменитого в тех краях человека, серая зона ожидания поездов, перрон шириной в три бурых плитки и неизмеримой длины, казались вырезанными из какого-то столичного журнала и очень плохо приклеенными к какой-то старой фотографии, ведь за всей этой бесчувственной серостью стояли древние покосившиеся дома, сложенные из крупных бревен, с резными ставнями с потрескавшейся краской и кристально белые гуси, безмятежно гуляющие по улице. Я смотрела на этот диссонанс деревенской и городской жизни одновременно и с благим ужасом (ведь примерно в таком же мире мне придется прожить 6 дней с разницей только в том, что я буду спать в палатке!), и с некой любовью (ведь попытки сделать такой же перрон, как и в других крупных населенных пунктах, - это то, что объединяет все города, городишки, села, поселки и делает их частью чего-то единого, частью железной дороги, которая бесконечно течет по всей России).

«Удачи вам, ребята!»

Вот мы вышли из автобуса, и кажется, это последний раз на долгие шесть дней, когда мы контактировали с цивилизацией.

Нас встретила поляна, со всех сторон защищенная соснами, через ветви которых виднелось, будто стеклянный витраж, чистое, лазурное небо, какого я никогда не видела в Москве. В голове больше не крутились назойливые рекламы: «Сделайте то...Купите это...», не волновало, кто пишет на телефон, что происходит в большом мире. Всех вокруг интересовала их «маленькая

жизнь» - кто-то ставит палатки, кто-то готовит ужин, кто-то прыскает себя и еще человек десять спреем от комаров.

В этом месте мне действительно хотелось петь, плясать, читать стихи и просто кричать - даже несмотря на неудобства физические, духовно я была свободна как орел в небе. Идя по мосту, проложенному над рекой Соротью, смотря в игривый глаз огромному палящему солнцу, разглядывая бескрайние поля, я представляла вольных и свободолюбивых казаков, которые когда-то тоже скакали здесь. Мне так и хотелось вскочить на вороного коня и улететь в «дали», чувствовать полную гармонию с природой. Природа этого места как будто переняла казачьи привычки: она была беспощадна и вольна в своих задумках. Как казаки творили, что хотели, так и природа - то палило солнце, будто бы в последний раз, то шли дожди, смывая все на своем пути - все это молниеносно сменялось, при этом даря мне спокойствие и свободу в мыслях.

Я чувствовала нечто большее, чем вдохновение, я чувствовала то, что нельзя записать, объяснить словами - эта свобода была в моей душе. Гуляя по лесу, я находила множество оживленных образов, ведь лес со мной говорил: шепот ветвей и

кустов, пламя, жужжащее как рой озлобленных пчел, сам костер - спасение от голода, темноты, чего-то потустороннего, та самая животворящая сила, которую когда-то передал людям Тесей. Виды в этой поездке были эстетичны и прекрасны - каждый момент можно было фотографировать и ставить на обложки лучших журналов, книг - настолько все было поэтично.

Каждое утро я просыпалась с чистой душой, готовой ко всему новому, будто новорожденное дитя. В городе все контролирует человек - свои мысли, поступки, кто кому что должен... а здесь человек практически бессилён, нашей судьбой на поляне правило нечто большее, необъятное, непонятное людям, но понятное всему вокруг.

Идя до старинных усадеб, я понимала, что Пушкина вдохновляло - от таких пейзажей вокруг кружилась голова. Гуляя по улочкам Тригорского, Михайловского, Петровского мне казалось, что вот-вот из-за угла выйдет Ленский, гуляющий с Онегиным, на крыльце я увижу Татьяну, в бальной зале скоро зазвучит мазурка, послышится звон бокалов, перешептывания, вздохи, взгляды...

Все наше путешествие меня преследовала двойственность - вроде бы едем в место без электричества, воды, магазинов, привычной еды, а вроде бы новые интересные ощущения... Так же было и с отъездом - с одной стороны я была рада вернуться в «цивилизованный» мир, а с другой - стороны мне очень не хотелось покидать поля, ставшие мне за это время родными.

«Ту-у-у-у...ту-у-у-у...ту-у-у-у-у»

"Сопровождающие, покиньте вагон! ..."

«Повторная проверка, пожалуйста, предъявите документы»

И вот все повторяется - крики, шум, гам, злая проводница, которая пытается нас уговорить, всплески света, стук колес, назойливые рекламы: «Сделайте то...Купите это...» ...а мои родные топи, темные зловещие леса, поляна среди сосен-сплетниц - все осталось по-прежнему, будто нас там и не было.

Эстер Харионовская

Приют спокойствия, трудов и вдохновения

Отправившись в Михайловское неожиданно тусклым июнем, сев в этот ничем не примечательный вагон, прочувствовав все прелести плацкарта - от узких полок до растопыренных пяток незнакомых мне мужчин, я и подумать не мог, чем обернется для меня это

путешествие. Это банально, но это правда. В отдалении от городов и общества, на поляне посреди леса, нам, людям, привыкшим жить в союзе со всеми благами цивилизации, открылось что-то совершенно новое, что-то очень и очень важное, что-то по-настоящему ценное.

Для меня ценностью Михайловского стали не столько события, происходившие здесь с Пушкиным и подробности его жизни, сколько потрясающая здешняя природа и люди, обычные, простые люди. Мои московские ребята и не мои псковские жители. Недаром мы гуманитарии. Именно на поляне, на этой неровной, поросшей странными фиолетовыми цветами, кишасей муравьями земле было постигнуто что-то очень интересное, разное, повторюсь, что-то очень важное. Самым интересным было не таинство разведения костра, не искусство строительства палаток, а встречи с людьми, которые живут в этом потрясающем месте в уединении и отдалении. Наблюдать их простую и размеренную жизнь было самым захватывающим. В простом объяснении, ответе на наше "извините, а где здесь родник?" таилась какая-то истинная и настоящая человечность. Их небольшие домики, сады с переросшими кустами роз, их окна, из которых они на нас глядели с недоверием, но интересом - их тихая, поросшая этими буйными розами жизнь, можно сказать, не заметила нас. Мы для них очередные «туристы».

А мы (по крайней мере, я) отметили это соприкосновение, как это было бы ни иронично, быть может, с другой цивилизацией. Ведь мы во многом не такие, как они. Именно люди – это самое интересное и важное. Неподдельно вдохновенные экскурсоводы в Пушгорах; искренне благодарные за волонтерскую помощь сотрудники лесхоза Заповедника, которых мы удивили своим трудовым энтузиазмом при уборке огромной территории; а легко взбирающаяся впереди нас на Труворово городище по скользкой от дождей тропинке пожилая женщина-экскурсовод, которая рада была поделиться с нами далекими историческими временами и красотой «далее»!

Важны люди не только псковские, но мои ребята, московские. В Михайловском они раскрылись с новой для меня стороны. Это не просто озорные весельчаки – это верные товарищи, которым можно доверить свои мысли и чувства. Этого не заметить в городе, где, конечно, никакие переживания не пропадают, но, когда вы объединены общими целями, задачами и условиями, когда вам надо вместе ездить за водой и стоять по колено в ледяном роднике, когда вам вместе разжигать костер, вместе жить, вместе пробовать себя в написании стихотворений и онегинских строк, вместе мокнуть под неуходящим дождем и вместе получать за то, что не взяли дождевики, не существует "я" как такового, есть только "мы". И в этом состоит истинная ценность Михайловского. Именно в этом «приюте спокойствия, трудов и вдохновенья» стало возможным достигнуть настоящего единения со своими уже близкими друзьями.

Но одного Михайловскому простить нельзя – разлуки.

Максим Калмыков

Минувшее меня объемлет живо

На ресницах играли лучи закатного солнца, тишину нарушал лишь шелест листвы. «Даш, ну ты чего остановилась у этих сосен? Пойдём!» - звали меня друзья, с которыми мы гуляли по подмосковному лесу. Я сидела недвижима - и глядела на три сосны, вспоминая с грустью иные сосны, «иные берега, иные волны»

Михайловское - скромное и небогатое имение, где Пушкин провёл целых два года северной ссылки, создало у меня впечатление некой обречённости. Однако не получилось почувствовать дом как «ветхую лачужку» из стихотворения «Зимний вечер» - летнее солнце и зелень мешали представить зимнюю вьюгу, описанную поэтом. Зато сразу вспомнилось стихотворение «Няне»: строки о «подруге дней моих суровых» оживали в этих стенах, напоминая, как Арина Родионовна скрашивала его одиночество. Грусть осенних вечеров у камина, тоска по друзьям в стихотворении «19 октября 1825» и ликование при встрече с «первым, бесценным» другом - всё здесь обретало пронзительную ясность. А кабинет Пушкина, хранящий его личные вещи, раскрывал, как даже в унынии и заточении поэт находил вдохновение и постигал сокровенные истины бытия.

Жизнь народа, которая описана во многих произведениях Пушкина, помог узнать дом Арины Родионовны, с лубочными народными картинками - именно здесь поэт записывал сюжеты её сказок, которые потом оживали в его творчестве. Особенно запомнилось, что простую крестьянскую избу, в окошке которой Пушкин когда-то видел свет лучины и девушку за вышиванием, он позже увековечил в «Евгении Онегине». Эти картины обретали подлинную глубину, когда мы стояли среди тех самых лугов, где когда-то поэт наблюдал труд крестьян, где скрипела «мельница крылата», что вдохновили Пушкина на горькие размышления о крепостном праве в стихотворении «Деревня».

Если Михайловское передавало чувство уединения поэта, то усадьба Тригорское создавала впечатление невероятной

живости и шумной атмосферы. В этом маленьком домике словно слышались весёлые женские голоса, шум платьев и вееров, звон бокалов и звуки аккордов, голоса приятных вечерних бесед. Это место было неким спасением Пушкина, в нём он мог забыть о тревогах и одиночестве, найдя утешение в теплой семейной обстановке дома Осиповых-Вульф, в обществе барышень, которым посвящал стихотворения, по большей части ироничные, а также в дружеской компании Алексея Вульфа и поэта Языкова. Особенно поражало то, что именно эти сестры семейства Осиповых-Вульф, такие разные по характеру, по истории отношений с Пушкиным, вдохновили его на создание образов главных героинь романа «Евгений Онегин». Проходя по тропинкам, которыми когда-то ходила Татьяна, останавливаясь у знаменитой скамьи Онегина, я вдруг с неожиданной остротой ощутила всю глубину её переживаний. История несчастной любви оживала и переставала быть просто литературным сюжетом.

Но куда глубже тронула меня история реального чувства - того, что вспыхнуло здесь, на аллее Анны Керн. Читая про себя «Я помню чудное мгновенье...» в самом месте свиданий, я чувствовала что-то необъяснимое, но понимала, что это останется для меня важным воспоминанием.

Если в Тригорском оживали любовные признания и истории, то Петровское с первых шагов погружало в масштабы мировой истории, перенося в эпоху Петра I. Здесь особенно остро ощущалась та почти родственная связь, которую Пушкин чувствовал с великим императором через своего прадеда - Абрама Ганнибала, крестного сына императора. Именно «любовь к отеческим гробам» пробудила в поэте страсть к семейным хроникам, вылившуюся в незаконченный роман «Арап Петра Великого». Дом ближайшего сподвижника Петра поражал своей величием, крепкостью и простотой. В его интерьерах удивляло сплетение разных стран и культур: африканское происхождение хозяина соседствовало с голландскими корнями его супруги, русские православные иконы - с восточной пышностью убранства. Каждая деталь хранила историю: монеты

и печати, талисман в виде слона, пожелтевшие грамоты, потрёпанные книги, строгие бюсты и задумчивые портреты - всё это было живым отпечатком эпохи, которая определила будущее России.

Особое

впечатление производил Петровский сад - эталон садово-паркового искусства XVIII века. Его геометрически безупречные линии, столь же величественные, как и сам дом, будто переносили в петровские времена: вековые липы, чьи кроны создавали таинственный полумрак на аллеях, древний пруд, дремавший под ряской, башня-беседка с видом на далёкую водную гладь - всё здесь хранило память о преобразованиях, изменивших ход русской истории.

Глядя на всё это, невозможно было не задуматься, что многое в этом уединенном краю, конечно, было восстановлено или переделано. Да и сама природа, хотя и сохранила общие черты, изменилась: другая трава шелестит под ногами, иные деревья шумят листвой, по-новому играют блики на воде озера... Но эти перемены теряли значение, когда минувшее вдруг оживало в воображении, а факты со школьных уроков и экскурсий помогали понять далёкую эпоху и личность самого поэта.

Я была очень благодарна людям, которые сделали этот край таким, какой он сейчас: прекрасным своей исторической достоверностью, поэтическим духом и неуловимой атмосферой пушкинского времени. Встречая по пути в усадьбы камни-валуны с отрывками из стихотворений, заботливо поставленные при восстановлении заповедника, я чувствовала, что моё сердце каждый раз замирало. Не верилось, что я смотрю на пейзаж, который видел и Пушкин два века назад...

Самым выразительным и запоминающимся местом на грани двух эпох стали три сосны между Михайловским и Тригорским. Хотя умом я понимала, что это не те самые сосны, описанные Пушкиным, но сердцем я искренне хотела в них верить, потому что это было бы настоящим, физическим соприкосновением с временем великого человека. Рядом с ними мы и познали истинное человеческое счастье, как и Пушкин в стихотворении «Вновь я посетил...»: тепло, закатные лучи солнца играют на ресницах, рядом с тобой плечом к плечу сидят близкие друзья, одноклассники, с которыми вы прошли испытания дождями и палатками, и вы слушаете вечные строки: «Здесь опять минувшее меня объемлет живо...» Образ Пушкина, на лошади скачущего домой во мраке ночи после приятельской беседы, вырисовывался в нашем воображении. Именно в этом месте я не только поняла, но и прочувствовала то, какое состояние описывал поэт и что хотел донести до будущих - в том числе и нашего - поколений.

Для того, чтобы лучше понять произведения Пушкина, нужно было обязательно побывать здесь, в Святых горах, потому что этот русский северный край отличается от всей необъятной России. Как можно постичь философские размышления на лоне природы лирического героя, находясь в школе в шумной и торопливой Москве?

Но Пушкинский заповедник дарит не только духовное просветление. Здесь сердце наполняется тем самым светлым покоем, той чистой радостью, что рождается от гармонии с природой и искренней дружбы. Это и есть то самое счастье - простое, вечное, которое дарит нам это место, где даже в годы вынужденного заточения поэт умел находить отраду. Счастье вечно - нужно лишь разглядеть его в шёпоте листвы, в лучах заката, в приятной беседе с другом, в себе самом...

Даша Бородина

Прогулки с Пушкиным

“Мы гуляли с Пушкиным!” - говорю я, и тут же получаю в свою сторону удивленные, недоверчивые, а то и бесстыдно насмешливые взгляды. Никто не спрашивает, но я знаю, что все думают: “Как это - с Пушкиным? Пушкина уже нет! А ты была в самом, что ни на есть, обыкновенном походе!”

Они не поймут, что я хотела сказать. Не смогут этого ощутить - ни запаха еловых игл, ни тихого треска костра, жадно пожирающего щедро подкинутое полено, ни тихих песен гитарных струн, взмывающих и исчезающих в темно-синем полотне ночного неба вместе с озорными искрами. А ведь все вокруг такое настоящее! Все дышит, живет строками и поэзией, везде ты окутан шепотом бесконечной, бескрайней истории. И рядом с тобой, куда бы ты ни пошел, раздаются шаги - шаги тех, кто остался в этих местах, тех, кто ткал тоненькую нить времени, кто читал и писал, любил и ненавидел, смеялся и плакал. Михайловское было и тюрьмой, и свободой, здесь желали оставаться и жаждали сбежать. И новых гостей здесь всегда принимают радушно, показывая и рассказывая.

В Тригорском имение Осиповых-Вульф сразу распахивает навстречу тебе свои двери: “Заходи скорее!” - и ты мигом оказываешься заключен в крепкие объятия. В скрипе половиц эхом слышится фортепиано, в эхе ветра за окном - голоса девиц и их настойчивые просьбы написать что-нибудь в альбоме на память.

А стоит лишь присесть на скамейку, как тут же услышишь тихий, взволнованный вздох Татьяны, которая мучается оттого, что Онегин не отвечает на её письмо.

А в Берёзове ты протянешь руку - и ее возьмет Сергей Довлатов, и проведет, покажет, расскажет о «типично псковских далях», поведаст о истории Михайловского, расскажет, как он здесь гулял с Пушкиным, поможет разобраться, разложить по цветам найденные тобой осколочки-воспоминания.

А напоследок, на прощание тебя крепко обнимут толстые, суровые стены Изборска и холодный ветер взлохматит волосы - в добрый путь!

"Мы гуляли с Пушкиным!" - снова говорю я и вновь получаю в ответ лишь недоуменные взгляды. Пусть они думают, что хотят, - мы вправду гуляли с Пушкиным. И истории, рассказанные нам этими местами, останутся в памяти навсегда.

Соня Смычагина

